

Жорж-Анри Суту

Политика Франции накануне Второй мировой войны

Введение

Позиция Франции в 1939 г. может быть правильно понята и истолкована только в рамках политических и стратегических установок, которым Париж следовал начиная с 1935 г. и ремилитаризации Германии: с этого времени французская военная стратегия становилась все более и более оборонительной. В случае новой войны Франция желала сначала в течение двух или трех лет вести чисто оборонительные бои под защитой линии Мажино, чтобы выиграть время для своего вооружения. Одновременно рейх должен был быть ослаблен в результате жесткой блокады. Спустя два или три года можно было бы перейти к наступлению при поддержке еще менее боеспособных на данный момент британских вооруженных сил и, по возможности, американцев. Этот план был полностью слепым копированием стратегии союзников в 1917–1918 гг.¹

Восточным союзникам (Польше, Чехословакии до Мюнхенского сговора, Югославии, Румынии) больше не отводилась роль наступательных стратегических «клещей» на Востоке. Она сводилась теперь только к отвлекающему маневру, который должен был связать и удерживать немецкие силы вдали от Западного фронта. При этом французы исходили из того, что немцы в любом случае разобьют их и оккупируют. Зато после окончательной победы над Германией эти государства будут вновь восстановлены. «Как Румыния в 1918 г.», – заявлял генерал Морис Гамелен, начальник штаба вооруженных сил Франции и, начиная с 1935 г., их истинный вождь (если комплексное распределение командной власти вообще допускает такое понятие).²

Таким образом, Восток стал для Парижа второстепенным. В сущности, французская политика обеспечения безопасности государства приняла довольно ха-

¹ Le Goyet P. France – Pologne: 1919–1939: De l’amitié romantique à la méfiance réciproque. Paris, 1991; Alexander M.S. Maurice Gamelin and the defence of France: French military policy, the U.K. land contribution and strategy towards Germany, 1935–39. Oxford, 1982; Dutailly H. Programmes d’armement et structures modernes dans l’armée de terre (1935–1939) // K. Hildebrand u.a. (Hrsg.) Deutschland und Frankreich: 1936–1939: Deutsch-französisches Historikerkolloquium des Deutschen Historischen Instituts Paris (Bonn, 26.–29. Sept. 1979). Zürich u.a., 1981. S. 105–128.

² Пометка Гамелена для Даладье от 16 марта 1939 г. Service historique de la défense (далее: SHD). DITEX. IK224/9.

отичные очертания: поляки и чехи не хотели выступать вместе, а для Варшавы с 1934 г. главным врагом стал Советский Союз, но не Германский рейх. Роль восточных союзников Франции, предусмотренная на случай войны, включала в себя, наряду с отвлечением Германии, также замыкание кольца блокады вокруг рейха. Такая же роль отводилась СССР: заключая советско-французский договор о взаимной помощи от 2 мая 1935 г.,³ Париж уже не помышлял о грандиозном русском наступлении по образцу 1914 г. В лучшем случае Москва могла бы снабжать других восточных союзников сырьем и боеприпасами. Стратегически мыслящие штабисты, которые полагали, что Советский Союз может стать существенным фактором будущей войны, такие как полковник Жан Жозеф-Мари Габриэль де Латр, генерал Люсьен Луазо и министр авиации Пьер Кот в 1936 г., были в меньшинстве.⁴

К этому следует добавить то, что договор с Советским Союзом 1935 г. имел для Парижа в лучшем случае политическое, а не стратегическое значение. Речь шла о том, чтобы предотвратить сближение Москвы и Берлина и добиться устрашения рейха, выстраивая против него союзный фронт, но отнюдь не о подготовке французско-русского плана двойного наступления, как в 1914 г. Было также широко распространено подозрение, с которым мы снова столкнемся, когда дело дойдет до 1939 г.: для Иосифа Сталина речь шла не о выстраивании настоящего оборонительного фронта против рейха, но о маневре, с помощью которого он стремился спровоцировать войну на Западе, чтобы как *tertius gaudens* вмешаться только в самом конце.⁵

И позицию Франции в 1939 г. и вопрос, как она могла допустить в 1938 г. в Мюнхене падение Чехословакии, в конце концов все же вступив в войну в 1939 г., но уже с гораздо более мощным Третьим рейхом, который к этому времени фактически оказался союзником Москвы (что практически свело к нулю всю стратегию блокады), можно объяснить только, если предположить, что Восток в целом и Советский Союз в частности занимали второстепенное место во французском политическом и стратегическом мышлении. В добавление к этому следует заметить, что такая ошибочная оценка может быть адекватно понята только в общем политическом контексте того времени:

а) Начиная с 1919 г. приоритет коллективной безопасности в области дипломатии и концепция устрашения в военном аспекте действовали самое большое в качестве стратегического дискурса. От единственного альянса с Москвой, который мог бы сравняться с союзными отношениями до 1914 г., отказались сознательно.

³ Политический союз между Францией и СССР предусматривал взаимную помощь в случае, если одна из договаривавшихся сторон станет объектом агрессии со стороны третьего государства. Он должен был выступить противовесом национал-социалистической Германии и ее планам экспансии в Европе.

⁴ Davion I. Mon voisin, cet ennemi: La politique de sécurité française face aux relations polono-tchécoslovaques entre 1919 et 1939. Bruxelles u. a., 2009; Frédéric Dessberg: Le triangle impossible les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Bruxelles, 2009.

⁵ Soutou G.-H. Les relations franco-soviétiques de 1932 à 1935//La France et l'URSS dans l'Europe des années 30/M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. Tchoubarian (éds.). Paris, 2005. P. 31–60.

тельно, поскольку полагали, что этот альянс серьезно способствовал развязыванию войны в 1914 г.

б) Растущий антисоветизм в результате негативного опыта Народного фронта во Франции и волны репрессивных «чисток» в СССР также стали препятствием на пути к альянсу с Москвой. Вопреки широко распространенному мнению французская властная элита чрезвычайно опасалась Гитлера и вовсе не так превратно его понимала, как это часто утверждается. Но Советскому Союзу не доверяли и также не верили в то, что он может стать важным фактором. Если его удастся использовать для укрепления оборонительного фронта, тем лучше, и здесь французы вели себя более решительно, чем британцы, но если бы этого не удалось, это не означало бы конца французской стратегии.

Первая фаза: иллюзия «Европейского концерта», с декабря 1938 г. до марта 1939 г.

Смысл франко-германской декларации от 6 декабря 1938 г.⁶ оживленно обсуждался уже современниками, в том числе и из-за посещения Парижа Иоахимом фон Риббентропом спустя только месяц после «Хрустальной ночи». Часто утверждается, что министр иностранных дел Франции Жорж Бонне предоставил рейху свободу действий в Центральной и Восточной Европе. Это утверждение было и все еще продолжает оставаться спорным. Автор настоящей статьи его не разделяет, но в свое время Берлину было выгодно трактовать ситуацию именно таким образом.

Декларация, содержащая повторное признание германо-французской границы и консультационное соглашение, не казалась в Париже, учитывая пример англо-германской декларации от 1 октября («Peace in our time»!⁷), проблематичной. Тем не менее министр иностранных дел Бонне полагал, что декларация от 6 декабря 1938 г. может стать отправной точкой для санации отношений в Европе. Показательно, что он проинформировал о ней не только представителей Великобритании, но и Польши, СССР и США. Бонне действовал, как и при своей оценке Мюнхенской конференции, все еще в рамках выродившейся концепции коллективной безопасности, согласно которой враг всегда должен быть втянут в соглашения, а образования блоков и раскола Европы следует избегать.⁸

Конечно же Бонне придавал декларации от 6 декабря 1938 г. слишком много значения в качестве жеста разрядки напряженности. Но это объясняется его

⁶ Речь идет о подписанной министром иностранных дел Третьего рейха Иоахимом фон Риббентропом и его французским коллегой Жоржем Бонне франко-германской декларацией о ненападении.

⁷ Этими словами, следующими логике британской политики умиротворения агрессора, премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен дал оценку подписанному в Мюнхене соглашению после своего возвращения из Германии.

⁸ Телеграмма Бонне Сен-Квентину от 27 нояб. 1938 г. //Documents diplomatiques français, 1932–1939. 2 série (1936–1939). Paris 1963–1986 (далее: DDF). T. XII, № 414.

представлением о возрождении «Европейского концерта» в Мюнхене.⁹ Бонне так и не понял катастрофического психологического воздействия этой декларации за границей.

Но Бонне не был одинок: новый посол в Берлине, Робер Кулондр, ранее бывший послом в Москве и сменивший в октябре 1938 г. Андре Франсуа-Понсе, сообщал еще 16 февраля 1939 г., что до начала нового наступления Берлина можно рассчитывать как минимум на пять лет мира.¹⁰ Кулондр все снова и снова присягал на верность духу декларации от 6 декабря. Необходимо, заявлял он, наряду с перевооружением «продолжать вести в отношении рейха политику дружеского сотрудничества».¹¹ С рейхом следует «продолжать сотрудничество, которое дает последний шанс на восстановление мира в Европе».¹²

Жорж Бонне полностью разделял это мнение. 26 февраля 1939 г. он в самом деле публично заявил, что Франция рассматривает заявление от 6 декабря 1938 г. как «первый этап на пути доверительных отношений между двумя странами».¹³ Чтобы вдохнуть в это заявление жизнь и силу, он хотел интенсифицировать экономические отношения с рейхом в качестве предпосылки и основы для лучших политических отношений – «в духе заявления от 6 декабря».¹⁴ И это не было деянием одиночки: 25 февраля 1939 г. несколько министров и министериальдиректоров заседали под руководством Эдуар Даладье, чтобы разработать претенциозную программу товарообмена с Германией.¹⁵

Дебаты о внешней политике и стратегии Франции в конце 1938 г.

И все же государственные деятели Франции не были полностью в плена иллюзий. 5 декабря 1938 г., за день до подписания франко-германской декларации, Даладье заявил Постоянному комитету по делам национальной безопасности (Comité permanent de la Défense nationale), что он был вынужден в Мюнхене «состворить дело здравого смысла». Однако серьезные проблемы продолжали существовать. При этом на первом месте Даладье все же упомянул Италию и ее требования к Франции. Франция, полагал Даладье, должна продолжать вооружаться, но он ни в коем случае не исключал возможность нового тура дипломатических переговоров, чтобы решить имеющиеся проблемы. Даладье все еще

⁹ См. его выступление перед Комитетом по иностранным делам Палаты депутатов 14 дек. 1938 г. // DDF. T. XIII, № 126.

¹⁰ Кулондр – Бонне, 16 февр. 1939 г. // DDF. T. XIV, № 133.

¹¹ Сообщение от 26 февр. // Там же, № 218.

¹² Телеграмма от 2 марта 1939 г. // Там же, № 248.

¹³ Там же, № 227, 229.

¹⁴ Там же, № 143.

¹⁵ Там же, № 214.

действовал в духе четырехстороннего договора 1933 г.¹⁶, в подписании которого он участвовал как премьер-министр.¹⁷

Тем не менее вопрос о будущей роли Франции в Восточной Европе оживленно дискутировался при закрытых дверях. По мнению Леона Ноэля, посла в Варшаве, Париж должен был теперь серьезно пересмотреть свой альянс с Польшей.¹⁸ Но руководство в Париже было несогласно: союз с Польшей был все же «активной» статьей политического баланса, и Франция не была заинтересована в том, чтобы ей поступиться.¹⁹ Большинство документов внутреннего делопроизводства периода после Мюнхена были уничтожены в 1940 г., но имеется достаточно указаний на эти споры.²⁰ Именно эта неуверенность является возможным объяснением не очень последовательной политики Франции в первые месяцы после Мюнхена.

Генерал Гамелен после 6 декабря уже не лелеял никаких иллюзий. 19 декабря он писал Даладье, что новая «проба сил» против Польши предстоит до лета 1939 г.²¹

Тем не менее велись ожесточенные дебаты относительно ориентации французской внешней политики, поскольку наряду с Германией возникла новая проблема: Италия. Начиная с весны 1938 г. Париж пытался улучшить отношения с Римом. Но 30 ноября 1938 г. в палате фаший и корпораций итальянского парламента произошел отнюдь не спонтанный инцидент: в присутствии Франсуа-Понсе, теперь посла в Риме, депутаты выкрикивали: «Корсика! Ницца! Савойя! Тунис!» Кампанию подхватила и продолжила пресса. В этой ситуации существовали только две возможности: либо вести переговоры с Римом и, по меньшей мере, спасти итальянский нейтралитет, либо рассматривать Италию как противника.

Что касается общей ситуации, то она в свою очередь предполагала развитие только по трем возможным сценариям: или готовить войну как против Германии, так и Италии (это скорее была позиция Гамелена), или попытаться в результате переговоров с Италией вбить клин между Римом и Берлином, или расценивать Италию как главного противника, поскольку она непосредственно угрожала французской территории и французской империи, в отличие от рейха, бывшего угрозой скорее для союзников Франции в Восточной Европе.

¹⁶ 15 июля 1933 г. в Риме Франция заключила с Германией, Италией и Великобританией так называемый «Пакт четырех» о коллективной безопасности в Европе.

¹⁷ Протокол от 5 дек. 1938 г. Service Historique de la Défense (далее: SHD). 2N224.

¹⁸ Доклад от ноября 1938 г. Archives Nationales (далее: AN). Фонд Даладье. 496 AP 11.

¹⁹ Заметка от 19 ноября. AN. 496 AP 11.

²⁰ 8 ноября 1938 г. французский посол Андре-Шарль Корбин сообщал из Лондона, что правительство Великобритании задается вопросом, не намеревается ли Париж изменить свою политику в Восточной Европе. Его сообщение можно было толковать как тактичное предупреждение. Там же. 496 AP 11.

²¹ SHD. DITEH. 1K224/9. При этом Гамелен опирался на разведку, которая тогда была очень хорошо информирована за счет сообщений Ганса Т. Шмидта, сотрудника научно-исследовательского ведомства и брата генерала Шмидта, командира одной из танковых дивизий вермахта. Ср.: *Paillole P. Notre espion chez Hitler*. Paris, 2011.

Последний сценарий представлял адмирал Франсуа Дарлан. В очень обстоятельной и логичной записке от 22 января 1939 г. он констатировал, что итальянская политика, в отличие от немецкой, затрагивает жизненные интересы Франции на Средиземном море, в Северной Африке и на Ближнем Востоке: «Прежде всего мы должны спасти империю, все остальное имеет второстепенное значение. Поэтому мы должны предоставить Германии (...) свободу рук на Востоке».²²

Это противоречило стратегии Гамелена. Но тот, несмотря на свою должность «начальника Генерального штаба национальной обороны», был скорее *primus inter pares*; он осуществлял координацию, но на деле не имел права отдавать приказы начальникам штабов военно-морского флота, воздушных сил и колониальных войск. Таким образом, заседание Постоянного совета обороны, состоявшего из компетентных министров и начальника Генерального штаба, было посвящено 24 февраля 1939 г. исключительно итальянской проблеме.²³

Это стратегическое соображение вошло в моду и в политике. Влиятельные круги, начиная с конца 1938 г., прямо-таки назойливо представляли его под лозунгом «Возврат к империи», одновременно проповедуя отказ от активной политики в Восточной Европе. Эта точка зрения пропагандировалась в том числе в статье Поля Бодуэна, именитого банкира, позднее сотрудника Поля Рейно, а также первого министра иностранных дел правительства Виши, опубликованной в газете *Revue de Paris*. Об этом же вдруг заговорил и Даладье, выступая в конце октября 1938 г. на съезде партии радикалов. Однако для него возврат к империи не исключал компромисс с Италией, если принимать во внимание его миссию в Рим в феврале 1939 г., хотя вероятно Дарлан был более реалистом, когда полагал, что Италию можно контролировать только за счет сильного военного давления.

Совершенно очевидно, что генерал Гамелен стремился противодействовать как эффекту заявления от 6 декабря 1938 г., так и имперскому мифу. Он напомнил Даладье 19 декабря, что только в результате усилий дипломатии к объединению сил сопротивления против рейха и, в первую очередь, за счет «интенсивных военных усилий во всех областях» можно «избежать войны или, при необходимости, выиграть ее».²⁴

В этих последних словах обозначено противоречие между устрашением и собственно военными приготовлениями. В то время как для Гамелена эти две вещи были нераздельны, для большинства политиков альтернативой тактике умиротворения агрессора в лучшем случае было устрашение рейха, в то время как перспективу ведения настоящей войны они себе практически не представляли. Но в чем все – политики, дипломаты и военные – были едины, так это в том, что следует действовать в первую очередь с учетом позиции Великобритании. Для политиков и дипломатов Лондон выступал в роли гаранта коллективной безопасности: если бы Франция действовала совместно с Польшей или СССР

²² DDF. T. XIII, № 406.

²³ DDF. T. XIV, № 196.

²⁴ SHD. Département Terre. 2N224.

вне рамок коллективной безопасности, то, как полагали в Париже, это нанесло бы ущерб поддержке Франции со стороны Лондона. Что касается Генерального штаба, то он не мыслил себе войны без британцев на стороне Франции.

**Март 1939 г.: немецкое вторжение в оставшуюся часть
Чехословакии и попытка образования блока
для устрашения рейха**

Значение событий 15 марта 1939 г. было многими в Париже сразу же оценено правильно: в результате Берлин получил значительное приращение мощи, а ситуация для Франции в короткий срок стала опасной, как полагала секретная служба 16 марта.²⁵ Жорж Бонне и правительство тотчас приняли решение образовать по согласованию с Лондоном блок против Германии и форсировать вооружение армии и прочие мобилизационные меры.

И в самом деле, в течение следующих недель Польша, Румыния и Греция получили гарантии от Парижа и Лондона. Париж вел переговоры с Анкарой, чтобы урегулировать спор вокруг Александrettского санджака (в октябре 1939 г. был подписан пакт между Анкарой, Лондоном и Парижем). Однако самым важным партнером по переговорам была Москва: в начале апреля Бонне предложил Советскому Союзу незамедлительно начать консультации о возможной помощи Москвы Польше и Румынии. При этом он ссылался на пункт договора 1935 г., предусматривавший проведение консультаций.²⁶ 14 апреля Бонне «насел» на советского посла в Париже Якова Сурица: обе страны должны взять на себя письменные обязательства оказывать друг другу взаимную помощь в случае если одна из них, оказывая поддержку Польше или Румынии, окажется в состоянии войны с Германией (этот момент не был однозначно оговорен в пакте 1935 г.).²⁷ 19 апреля Москва предложила подписать трехсторонний договор с Францией и Великобританией, который должен был содержать жесткое условие об оказании военной помощи союзным странам. То, что этот договор должен был превзойти по своей действенности пакт 1935 г., совершенно не волновало Париж, даже напротив. Но что было тяжело воспринято, так это сложные статьи, касающиеся Польши и Румынии, а также советское требование, согласно которому Лондон должен был ограничить свои гарантии Польше на случай немецкой агрессии. Не было никаких шансов, что подобный договор будет принят Варшавой, и это могло только затруднить осуществление всего замысла.²⁸

В рамках настоящей публикации нет возможности представить в деталях все сложные коллизии переговоров между Парижем, Лондоном и Москвой. Достаточно лишь констатировать, что Париж все снова и снова стремился к заключению политического договора, сопровождавшегося военной конвенцией, в то

²⁵ DDF. Т. XV, № 15.

²⁶ Там же, № 318.

²⁷ Там же, № 387.

²⁸ Заметки отдела Европы МИД от 19 апреля 1939 г. // Там же. Т. XV, № 446.

время как Лондон до самого конца тормозил переговоры.²⁹ Если Советский Союз располагал информацией о весьма запутанных и по-византийски хитроумных дискуссиях между Парижем и Лондоном, то у него не могло сложиться впечатления, что западные страны (поскольку Франция и Англия собственно не были союзниками!) имеют в его отношении серьезные намерения.³⁰

В ходе этих переговоров (это известно и подробно отражено во французских официальных документах) с самого начала выявились две главные трудности. Советский Союз настаивал в качестве предпосылки к заключению военного союза на недвусмысленном согласии Польши на проход Красной Армии по ее территории и на распространении зоны действия будущего пакта на «косвенную агрессию». Англичане и французы видели в этом опасность расширения советского контроля на Польшу и Прибалтику. Тем не менее, французы выступали, по крайней мере в конце переговоров, за то, чтобы принять оба условия со стороны СССР, даже если бы это значило бесцеремонно обойтись с Польшей.

Однако необходимо здесь же добавить, что французы сомневались в истинных возможностях СССР в случае необходимости эффективно выступить против рейха. В лучшем случае они ожидали от Москвы снабжения Польши сырьем и боеприпасами.³¹ Еще 27 июля 1939 г., в письменных инструкция генералу Эмме Думенку перед его миссией в Москву, Гамелен придерживался этой точки зрения. Поляки будут, помимо снабжения сырьем, боеприпасами и оружием, в случае войны считаться с нахождением на своей территории советских военно-воздушных и танковых подразделений, но не основного состава Красной Армии. Устно Гамелен заявил Думенку 17 июля, что от Советского Союза ожидается, что русские ничего не предпримут против Польши, Румынии и Турции, а в случае, если эти страны этого пожелают, окажут им помочь со снабжением, облегчат им перевозку грузов и усилят их военно-воздушные силы; большего от СССР не потребуется.³²

Многие французские дипломаты и ответственные лица ожидали от Сталина в лучшем случае благожелательного нейтралитета. Они не верили в то, что он действительно останется верен взятым на себя обязательствам.³³ Даладье сам сомневался в том, что Stalin готов вести честные переговоры. Он сказал генералу Думенку непосредственно перед его отъездом в Москву в качестве главы французской военной делегации: „Мне уже прожужжали все уши по поводу этого соглашения, которое не будет подписано. Многие придают ему чрезвычайное

²⁹ DDF. T. XV. Ряд документов; *Duroselle J.-B. L'abîme 1939–1945*. Paris, 1982; *Duroselle J.-B. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours*. Paris, 1993. P. 416–434.

³⁰ Корбин, посол в Лондоне, Бонне, 28 марта 1939 г. // DDF. T. XV, № 176.

³¹ Гамелен – Даладье, 15 апр. 1939 г. // DDF. T. XV, № 416; Бонне то же самое разъяснял Сурицу // Там же, № 387. Это всегда было так, см.: *Soutou G.-H. Les relations franco-soviétiques de 1932 à 1935*. P. 31–60; *Guelton C. F. Les relations militaires franco-soviétiques dans les années trente//La France et l'URSS dans l'Europe des années 30/M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. Tchoubarian (éds.)*. Paris, 2005. P. 61–72.

³² DDF. T. XVII, № 336.

³³ *Sainte-Suzanne R. de. Une politique étrangère: Le Quai d'Orsay et Saint-John Perse à l'épreuve d'un regard: Novembre 1938 – juin 1940*. Paris, 2000. P. 61. Сент-Сюзанн был ближайшим сотрудником генерального секретаря Алексиса Леже.

значение. Почему медлят русские? Надо разгадать и выяснить их намерения. Займите однозначную позицию. Давите на них со всей силой, чтобы мы узнали, на что мы можем рассчитывать».³⁴

Кроме того, речь в первую очередь шла об образовании политического блока для устрашения Берлина, а не о военном союзе с целью собственно ведения войны.³⁵

Еще 11 августа, когда французско-британская военная делегация прибыла в Москву, англичане хотели начать серьезные военные переговоры только после заключения политического соглашения. Французы, напротив, желали одновременно вести обе стороны переговоров с Москвой (политическую и военную), чтобы доказать русским серьезность намерений Запада.³⁶ Бонне подчеркивал 12 августа: «Быстрое заключение военного соглашения будет иметь грандиозное значение с точки зрения спасения мира».³⁷ При этом он мыслил все еще в рамках стратегии устрашения. И хотя в конце концов генерал Думенк, несмотря на колебание Польши, получил 21 августа в Москве полномочия обещать Советскому Союзу, что в случае войны ему будет разрешен марш войск через Польшу – и в этом вопросе французы были гораздо решительнее, чем британцы – но это ничего не изменило в уже описанной нами принципиальной позиции.³⁸

Но и такая позиция, якобы прочная, но все же оборонительная и нацеленная скорее на устрашение, разделялась отнюдь не всеми ответственными лицами в Париже. Бонне, подписавший множество телеграмм в Лондон и Москву, в которых выступал за скорое заключение альянса,³⁹ постоянно и с особой энергией вдохновлялся на это статс-секретарем Леже. Леже даже выступал за то, чтобы тотчас же и без обсуждения принять встречные предложения Сталина, чтобы таким образом связать его обязательствами.⁴⁰

Был ли советско-германский пакт действительно сюрпризом для французов?

По существенному вопросу подписанного советско-германского пакта от 23 августа 1939 г. французские власти были предупреждены заблаговременно: уже 2 апреля посланник и поверенный в делах в Москве Жан Пайар сообщал, что Кремль, возможно, рассматривает, наряду с альянсом с Лондоном и Парижем, проведение другой политики (упоминая об «альтернативных направлениях мысли советских правителей»).⁴¹

³⁴ Доклад Думенка по завершению его миссии//DDF. T. XVIII. P. 608.

³⁵ Там же.

³⁶ DDF. T. XVII, № 529.

³⁷ Бонне – Наггиару, 12 авг. 1939 г.//DDF. T. XVII, № 527.

³⁸ DDF. T. XVIII, № 182.

³⁹ См., к примеру, его телеграмму Корбину и Наггиару от 14 июля 1939 г.//DDF. T. XVII, № 203; или телеграмму Корбину от 19 июля//Там же, № 231.

⁴⁰ *Sainte-Suzanne R. Une politique étrangère.* P. 58.

⁴¹ DDF. T. XV, № 235.

4 мая Пайар расценил отстранение Максима Литвинова от должности народного комиссара по иностранным делам СССР как событие, «имеющее большое значение». Литвинов был сторонником коллективной безопасности в союзе с державами Запада. Теперь Москва могла либо занять нейтральную позицию, либо даже достичь ««всегда возможного соглашения с Берлином». Вину за такое развитие ситуации Пайар готов был возложить на затяжную тактику Лондона.⁴² Также посольство Франции в Москве пришло к пониманию того, что экономические переговоры, которые Советский Союз с начала 1939 г. вел с Берлином, имели политическую подоплеку.⁴³ Министр финансов Поль Рейно отметил это в своих записях уже в начале мая.⁴⁴

21 августа французский посол в Москве Поль-Эмиль Наггиар предупредил, что Берлин вступил в переговоры с Москвой и намерен предложить ей территориальные изменения.⁴⁵ Сразу же после подписания пакта, уже 24 августа, на набережной Орсей были получены многочисленные сведения о наличии тайных договоренностей и разделе Польши и Прибалтики.⁴⁶

23 августа прошло заседание Совета обороны. Известие о заключении пакта было принято к сведению и из него сделали вывод, что война против Польши начнется в ближайшее время. Было принято решение оказать поддержку Варшаве, но из него не были сделаны стратегические выводы,⁴⁷ хотя пакт и уничтожил главную опору стратегии Гамелена. Блокада Германии в целях выигрыша времени в новой ситуации уже не могла быть эффективно организована. Несмотря на многочисленные предупреждения начиная с апреля (после знаменитой речи Сталина о «жареных каштанах» от 10 марта 1939 г.) французское правительство, как парализованное, не предприняло никаких серьезных действий.

Причины заключения пакта с точки зрения Франции

Военный атташе в Москве генерал Августин-Антуан Палас придерживался мнения, согласно которому быстрое заключение военной конвенции имеет для Сталина первостепенное значение. Он был убежден, что Советский Союз серьезно намеревался вступить в союз с западными державами.⁴⁸ Посол Наггиар представлял похожее мнение: Сталин настаивал на «конкретных и определенных» требованиях, чтобы не подвергнуться опасности оказаться в положении Праги в 1938 г., то есть быть скомпрометированным в глазах Германии и неожиданно остаться в беде без поддержки западных держав. Наггиар подчеркивал негатив-

⁴² DDF. T. XVI, № 45.

⁴³ Сообщение Наггиара от 27 июня 1939 г. // DDF. T. XVII, № 21.

⁴⁴ Cp. Reynaud P. Au coeur de la mêlée: 1930– 1945. Paris, 1951. P. 318– 323.

⁴⁵ DDF. T. XVIII, № 183.

⁴⁶ Там же, № 376, 377, 378, 389, 445.

⁴⁷ Там же, № 324.

⁴⁸ Сообщение от 13 июля 1939 г. // DDF. T. XVII, № 202.

ные последствия затяжной тактики переговоров французского и английского правительства и призывал немедленно и *in toto* принять советские условия.⁴⁹

Для посольства в Москве, которое постоянно предостерегало Париж от проявления переговоров, главными виновниками их срыва стали, без сомнения, тактика затягивания западных держав и неуступчивость Польши.⁵⁰ 21 августа Наггиар потребовал «простых, быстрых и конкретных решений». В противном случае Москва может прельститься немецкими предложениями.⁵¹ Варшава согласилась на проход войск Красной Армии по ее территории только 25 августа, то есть, по мнению Наггиара, слишком поздно и со слишком большими оговорками.⁵² Посольство не дало запутать себя иллюзиями: Наггиар сообщал 21 августа, что Германия вполне способна предложить Сталину раздел Польши и балтийских стран.⁵³ А уже 25 августа посол был убежден, что пакт Молотова-Риббентропа имеет дополнительные секретные пункты в отношении Польши и Прибалтики.⁵⁴

Противоположный тезис отстаивал капитан третьего ранга Жак Антуан Вийом, представитель военно-морской школы во французской военной делегации в Москве: политика Москвы изменилась уже в марте–апреле; с самого начала у Москвы не было намерения вступать в союз с Западом; переговоры с западными державами были задуманы только как средство оказывать давление на Гитлера. Сталин в первую очередь хотел использовать кризис, чтобы заполучить обратно бывшие области Российской империи.⁵⁵

Генерал Думенк подтвердил, что Наггиар и Палас были убеждены в том, что русские действительно стремились к подписанию военной конвенции. Сам он занимал среднюю позицию: сначала (с 12 по 16 августа) Советский Союз был готов вести переговоры всерьез, но начиная с заседания 17 августа у западных переговорщиков возникли подозрения в отношении искренности намерений их советских партнеров. Французы были размещены напротив бывшего посольства Австро-Венгрии, в котором Риббентроп жил во время своего пребывания в Москве. Здание бывшего посольства еще 17 августа было пустым и заброшенным. 18 августа его неожиданно стали рьяно чистить и привели в порядок ...⁵⁶

Из немецких документов мы знаем, что Берлин, начиная с конца мая 1939 г., предпринимал попытки вступить в переговоры с Москвой. Только 26 июля советская сторона объявила ему о своей готовности. 12 августа (в день начала военных переговоров с западными державами) Берлину было предложено отправить в Москву одного из авторитетных немецких деятелей. Исходя из этих протекавших параллельно переговоров нельзя установить окончательно, какая из трех тогдашних французских гипотез (искренность, хитрость или поворот) верна; для этого необходимы документы из российских архивов. *Ex oriente lux!*

⁴⁹ Телеграмма от 18 июля 1939 г.//DDF. T. XVII, № 227.

⁵⁰ Телеграммы периода между 14 и 18 авг. 1939 г.//DDF. T. XVIII, № 24, 43, 88, 99, 130.

⁵¹ DDF. T. XVIII, № 183.

⁵² Там же, № 182.

⁵³ Там же, № 183.

⁵⁴ Там же, № 432.

⁵⁵ Заключительный отчет, Там же, Р. 592–605.

⁵⁶ Доклад Думенка по завершении его миссии//DDF. T. XVIII. Р. 606– 613.

Гитлеровский блеф или новый Мюнхен?

В ходе последней фазы перед началом войны, когда напряженность между Берлином и Варшавой росла, а Бенито Муссолини выступил с предложением созвать конференцию, спор между сторонниками «жесткого курса» и «умеренными» разгорелся с новой силой. Приверженцы жесткой политики, такие как Леже и Кулондр в Берлине, в конце августа требовали полной поддержки Польши вплоть до вступления в войну и отклоняли предложение Муссолини о созыве очередной конференции четырех держав. Эта реакция была обусловлена верностью союзнику, но также и их убеждением в том, что рейх переживает большие трудности, немецкое население настроено против войны, а Гитлер блефует.⁵⁷

Их противники, на первом месте Бонне и министр Анатоль де Монзи, были, наоборот, убеждены в том, что Гитлер настроен совершенно серьезно. Поэтому они были готовы принять предложение Муссолини.⁵⁸ Они также не настаивали (в отличие от британцев), чтобы вермахт сначала очистил занятые им польские территории. Однако Бонне предлагал пригласить на эту новую конференцию также и Польшу. И конференция не должна была ограничиться только польско-немецким спором, но и урегулировать все актуальные проблемы. Еще в ходе сентябрьских событий 1938 г. Бонне попытался смягчить Судетский кризис путем «включения» его во всеобщий новый европейский порядок. Он грезил тогда о том, чтобы созвать всеобщую конференцию с участием США, СССР Польши и стран Балкан, чтобы урегулировать все общеевропейские проблемы и укрепить мир на длительное время.⁵⁹ Бонне до конца остался верен своему представлению об (устаревшем и выродившемся) «Европейском концерте» и коллективной безопасности. В этом он представлял целое поколение французских политиков.

Такая позиция была не единственной, но она была одной из важнейших причин специфики генеральной политической линии Франции в 1938–1939 гг., линии ведения переговоров до крайности и устрашения как стратегии. Проблема при этом состояла в том, что в случае неудачи устрашения в наличии оставались только две возможности: война или капитуляция.

⁵⁷ Запись Леже от 31 авг. 1939 г. о предложении Муссолини провести конференцию «четырех» // DDF. T.XIX, № 280. За день до этого Кулондр писал Даладье в том же духе: «Мы должны и дальше держаться, держаться, держаться» // Там же, № 235.

⁵⁸ Заметка Бонне для Совета министров от 31 августа 1939 г. // Там же, № 281; запись телефонного разговора между министерским бюро и посольством в Риме от 1 сент. 1939 г. // Там же, № 302.

⁵⁹ Bonnet G. De Washington au Quai d'Orsay. Genève, 1946. P. 287–288.